

ПОД НЕБОМ ЛУЗИТАНИИ

ОТ ПРИШЕСТВИЯ
ДО ПОЛУНОЧИ

Василий
КОСТОВИНСКИЙ

Аннотация

Эта книга посвящена феномену трудовой эмиграции граждан бывших советских республик на Пиренейский полуостров в конце XX в начале XXI века. Со свойственным его героям юмором автор рассказывает о том, что заставило их покинуть насиженные места и отправится на заработки в далёкую Лузитанию. Именно так в древности называли современную Португалию, где на головы новоявленных гастарбайтеров посыпались не шальные доллары, а злключения, напасти и неприятности. Однако бывшие граждане СССР оказались вовсе не теми людьми, которые гнутся под тяжестью обрушившихся на них горестей, бед и невзгод. Юмор, находчивость и предприимчивость помогли им выпутываться из самых, казалось, безвыходных ситуаций. И если Вы хоть раз побывали за границей и попали там в неприятные истории, то эта книга для Вас и о Вас.

Василий Костовинский

Под небом Лузитании.

От пришествия до полуночи

Предисловие

Конец XX — начало XXI века. Португалия, искусственно притянутая за уши сначала в НАТО, потом в Евросоюз, а затем и в Еврозону, развивается невероятно бурными темпами. Экономика страны подогревается щедрыми подачками Евросоюза, а также солидными инвестициями и кредитами индустриальных тяжеловесов Европы. Молодая демократия, выросшая на останках фашистской диктатуры Салазара, поощряется не только финансово, но и морально. Маленькой стране, находящейся на задворках континента, поручается проведение ответственных международных мероприятий: выставки ЭКСПО 98 и чемпионата ЕВРО 2004. Но для успешного выполнения этого почётного задания требовалось произвести грандиозные строительные работы: возвести новые современные аэропорты, вокзалы, стадионы, гостиницы и общественные сооружения; построить скоростные автомобильные и железнодорожные магистрали, а также значительно расширить сеть линий

метрополитена в Порто и Лиссабоне. Чтобы не ударить лицом в грязь, понадобилось реконструировать памятники архитектуры и старины, разбить новые парки и скверы, соорудить развлекательные центры и комплексы.

Но в стране, истощённой собственной трудовой эмиграцией, катастрофически не хватало строителей. Португальцы предпочитали работать на стройках развитых стран Европы, где заработки строителей были в несколько раз выше. Ко всему прочему, настоящий бум в жилищном строительстве Португалии привёл к значительному оттоку трудовых ресурсов в эту чрезвычайно прибыльную область деятельности.

Правительство попыталось решить проблему нехватки рабочей силы с помощью гастарбайтеров из своих бывших африканских колоний и Бразилии. Однако африканцы, очутившись в Европе, тут же сбегали со строек в негритянские трущобы, находившиеся на окраинах крупных индустриальных городов. Самые несознательные из них занимались сначала мелким воровством, затем более крупным и заканчивали свою карьеру грабежом и разбоем. Более законопослушные африканцы промышляли мелкой уличной торговлей и продажей галантереи на традиционных португальских базарах — фейрах. Но постепенно, попутно, они так же освоили и гораздо более

прибыльную торговлю наркотиками. Однако тут их бизнес столкнулся с интересами цыганской диаспоры — обыденного регионального распространителя дурманящего зелья. Незлобивый юридический спор за рынки сбыта перерос в отдельные незначительные, но очень досадные недоразумения и конфликты. И в этих полемических столкновениях взглядов и мнений африканцы имели заметное преимущество, так как в их арсенале были такие милые нашему сердцу автоматы Калашникова.

Большинство же из несостоявшихся гастарбайтеров жили за счет гуманитарной помощи общественных организаций и довольно-таки скудных государственных субсидий.

Бразильские же рабочие исчезали со строительных площадок ещё раньше своих африканских коллег. Они устраивались певцами, танцорами, барменами, официантами в различных клубах, барах, ресторанах и прочих многочисленных развлекательных заведениях. Самые предприимчивые из бразильцев неофициально открывали так называемые «Дома Любви», где прилежно работали их весьма привлекательные латиноамериканские соотечественницы. Эти дамы без комплексов и предрассудков въезжали в Португалию под видом кровных родственниц уже обосновавшихся в стране бразильских иммигрантов.

Это вызвало бурю негодования среди женского населения Португалии, начиная с почтенных матрон и заканчивая ещё не вышедшими в полный тираж путанами. Первые были возмущены тем, что их мужья стали приносить домой намного меньше денег, просаживая значительную часть прибыли с бразильскими кудесницами любовных игр, забав и развлечений. Последние же попросту не выдерживали конкуренции со своими искусными и любвеобильными заокеанскими соперницами. Консервативные португальские жрицы любви так и не научились учитывать современные тенденции в области разнообразия интимных услуг. Они даже понятия не имели, что кустарщину удовлетворения мужских потребностей можно возвести до уровня изысканного и возвышенного искусства. Само собой разумеется, мужчины не могли не заметить разницу в уровне профессионализма здешних аборигенок и заезжих заокеанских гастролёрш. Неудивительно, что некоторые политики правого толка, проповедующие лозунг «Португалия — для португальцев», значительно расширили свою социальную и электоральную базу...

Ой! Пardon! Кажется, не слишком возвышенные думы увели автора в сторону от его дотошных и скрупулёзных околonaучных исследований.

Как Вы уже поняли, вместо запланированной рабочей силы правительство получило дополнительную головную боль, незапланированные расходы, да ещё и переполненные иммигрантами тюрьмы.

От позорного провала ЕВРО 2004 Португалию спас ... развал Советского Союза и обнищание трудового населения государств, образовавшихся на огромном постсоветском пространстве. Первыми в стране освоились иммигранты из Молдавии, говорившие на языке романской группы, который является родственным португальскому. Они быстро сообразили, что на нехватке рабочей силы можно неплохо заработать, наладили связи с турагентствами стран СНГ и ... В Португалию сначала потёк ручеёк, затем речушка, а потом и бурный поток трудовых иммигрантов с Востока. Именно так (*Os imigrantes de Leste*) и называли португальцы гастарбайтеров из бывшего Советского Союза. В числе проникающих в страну нелегалов было немало граждан России и Белоруссии, но чаще всего среди них попадались потомки прикарпатских опришек и запорожских казаков.

Туристические агентства (они же агентства по трудоустройству) обещали желающим поработать в Португалии баснословные заработки: от 800 до 1200 американских долларов. И это в то время,

когда минимальная зарплата в этой стране в эквиваленте не превышала 350 долларов в месяц! А большие деньги можно было заработать либо работая по 14–15 часов в сутки (включая и субботы), либо имея очень высокую строительную квалификацию. Однако профессиональные строители среди прибывающих в Лузитанию гастарбайтеров практически не встречались. (Лузитанией в древности называли территорию нынешней Португалии).

Сюда приезжали бывшие военные, досрочно уволенные из рядов вооруженных сил; мелкие чиновники, не угодившие новым властям; учителя и преподаватели, нежелающие жить на нищенскую зарплату; студенты, не имеющие средств на своё дальнейшее образование; инженеры и квалифицированные рабочие с разорившихся крупных предприятий; обанкротившиеся и задолжавшие кому-то предприниматели; бывшие колхозники, так и не сумевшие стать фермерами; рэкетеры, вытесненные из родных мест более удачливыми конкурентами; жулики и мошенники, спасающиеся от неотвратимого правосудия или возмездия одураченных ими «солидных людей».

Чтобы не быть голословным, отмечу, что с 2000-го по 2001-й год мне выпала честь работать в бригаде штукатуров вместе с тремя инженерами, двумя учителями, недоучившимся студентом,

двумя мелкими бизнесменами, тремя рэкетирами и махинатором, которого мечтали «порвать» паханы одного очень крупного русского города. Кстати, бывшие рэкетеры оказались на удивление чуткими и отзывчивыми товарищами и, в конце концов, стали отличными штукатурами.

Ведь все мы, прежние граждане СССР, воспитанные на романтике всесоюзных строек, где-то глубоко-глубоко в душе строители. Многие из нас своими руками производили ремонты в своих собственных квартирах и строили миниатюрные домики на крохотных дачных участках. Поэтому и не стоит удивляться, что за два-три месяца наши соотечественники осваивали строительные профессии и становились высококлассными бетонщиками, каменщиками, арматурщиками, штукатурами, кровельщиками, мостостроителями и дорожниками. Следует сразу оговориться, что соотечественниками автор считает всех тех, кто жил с ним на территории Великого и Могучего Советского Союза.

Нельзя не отметить, что многие гастарбайтеры, потратившие 1200–1500 долларов на поездку и трудоустройство в Португалии, были крайне разочарованы низким уровнем оплаты своего нелёгкого труда. Поэтому они старались как можно быстрее отработать истраченные деньги и заработать хоть какие-то средства на возвращение

домой или на переезд в более развитое европейское государство. Однако нередко нелегальные рабочие становились жертвами недобросовестных патროнов (работодателей), которые выдавали им всего лишь часть заработной платы, а то и вовсе не платили за многие месяцы изнурительной работы.

Но надо признаться, что изредка попадались и патологически честные патроны, особенно среди владельцев крупных фирм и предприятий. Они не только исправно выдавали жалование своим рабочим, но также предоставляли им и жильё, и бесплатное трёхразовое питание. Злостные неплательщики заработной платы чаще всего встречались среди мелких патროнов, субподрядчиков солидных строительных организаций. Эти жулики, развращённые свалившимся на них богатством и алчущие всё более и более высоких прибылей, обманывали не только гастарбайтеров, но и своих же собственных португальских рабочих. Так что кому-то из иммигрантов с Востока изрядно везло, кому-то не очень, а кое-кому и вовсе фатально не фартило. Вот и Вашему покорному слуге его первый работодатель недоплатил более двух тысяч евро.

Юридически гастарбайтеры с Востока не существовали, поэтому и жаловаться им было попросту некуда. Иммигранты прибывали в страну нелегально, под видом туристов. Но правительство

закрывало на это глаза, понимая, что без дополнительных рабочих рук строительство объектов ЕВРО 2004 сразу же захлебнётся.

Но как-то одному любознательному чиновнику взбрела в голову нелепая идея: а не подсчитать ли, хотя бы примерно, сколько же нелегалов находится в Лузитании. Результаты даже самых приблизительных подсчетов просто-напросто ошеломили министров. Каждый одиннадцатый житель страны был иммигрантом!

— О, ужас! — буквально взвыл министр финансов. — Да если этих людей заставить платить все пошлины и налоги, то мы сможем заштопать немало дыр в нашем несбалансированном государственном бюджете!

В 2001-ом году, несмотря на протесты Евросоюза, правительство открыло кампанию по легализации незаконно проникших в страну гастарбайтеров. Но уже в 2002-м году её пришлось срочно прикрыть, так как поток «туристов» из стран СНГ превысил все мыслимые и немыслимые пределы. За полтора года было легализировано более 700 тысяч человек, подавляющее большинство из которых прибыло с территории бывшего Советского Союза. Иммигранты получили социальную и юридическую защищённость, а правительство — солидную прибавку в доходную часть государственного бюджета.

Однако не менее 300 тысяч человек так и остались за чертой закона об иммиграции. Кто-то прибыл в страну уже после закрытия компании легализации, а кто-то просто не смог доказать, что очутился в Португалии раньше крайнего срока, оговоренного декретом правительства. Но были и такие, которые особо и не желали тратить деньги и время на довольно-таки сложную процедуру легализации. Эти гастарбайтеры мечтали как можно быстрее заработать побольше денег, и тихо и мирно удалиться восвояси. Ради экономии они жили в нечеловеческих условиях: питались самыми дешевыми сосисками и макаронами, спали в заброшенных гаражах, сараях и даже свинарниках. Автор лично знал двух жителей Прикарпатья, которые ночевали в бесхозных собачьих будках. Благо, что эти бетонные конструкции в Португалии достаточно-таки высокие и просторные.

Попадались и настоящие рекордсмены, умудряющиеся питаться всего лишь за 20, ну, в крайнем случае, за 30 долларов в месяц. При всём при том они прилежно трудились на тяжелых строительных работах по полторы, а иногда и по две смены в сутки. Когда я сличал домашние фотографии этих феноменов с нынешним португальским оригиналом, то видел лишь жалкую половину их бывшего величия и дородности. Желание как можно быстрее заработать деньги и со

славой вернуться домой творило невиданные чудеса! Ни одна сверхмодная диета и ни одна современная методика избавления от избыточного веса не давала такого быстрого и устойчивого результата.

Но даже среди рачительных и экономных гастарбайтеров встречались уникалы, которые и вовсе не тратили средств на кормёжку...

А вот и не угадали! Эти ребята не были ни йогами, ни аскетами и из источников непознанных «тонких» сил тоже, увы, не подпитывались. Но крайней мере, автору не попадались в Португалии ни солнцееды, ни праноеды, ни бретарианцы. В повседневном рационе этих людей были просроченные пищевые продукты, выброшенные на свалку из крупных супермаркетов и гипермаркетов. Однако такая необычная диета давала незначительный побочный эффект, который проявлялся в виде урчания в животе, струйной диареи, а также жестоких приступов благоприобретённого метеоризма.

Но когда эти бережливые наследники Мюнхгаузена возвращались домой, они безбожно сорили деньгами и рассказывали небылицы о мифических заработках на территории Португалии. Именно из-за этих фантазёров доверчивые простофили продолжали рваться за шальными деньгами в далёкую Лузитанию даже после

окончания ЕВРО 2004. Запоздавшие гастарбайтеры попадали в ужасающую ситуацию, так как на работу их уже никто не брал, а правительство расходов на репатриацию нелегалов в бюджет не включало.

Но особо болит сердце за наших соотечественников, спившихся на дешёвом местном вине и пополнивших ряды португальских бомжей и нищих. И хотя климат в Португалии в основном субтропический, однако жить без крыши над головой здесь всё-таки не очень-то и приятно. Зимой тут зачастую идут продолжительные проливные дожди, температура ночью снижается до нуля градусов, а влажность устойчиво держится на критическом уровне в 100 %.

Тем не менее, именно благодаря тяжкому и упорному труду иммигрантов с Востока, работавших по 12–15 часов в сутки, строительство инфраструктуры ЕВРО 2004 было завершено вовремя. И пусть стимулом для этого труда была жажда заработать приличные деньги, но это ни на йоту не умоляет заслуг бывших советских граждан.

Во время коротких перерывов и редких выходных гастарбайтеры не раз с юмором и иронией рассказывали умопомрачительные, потрясающие истории о своей жизни на Родине, а также об удивительных и невероятных приключениях в Португалии. Дома мои сотоварищи

зачастую становились жертвами коррумпированных чиновников, беспринципных махинатор, бандитских группировок и продажных полицейских. Здесь же они нередко попадали в лапы бессовестных патронов, месяцами не плативших за их нелёгкий и добросовестный труд. А сколько раз иммигранты влипали в комические, курьезные и нелепые ситуации из-за незнания португальского языка, здешних законов и местных обычаев! Однако эти негибкие, мужественные люди, с покалеченными и изуродованными жизнью судьбами, не утратили ни порядочности, ни достоинства, ни веры в своё светлое будущее. Они не растеряли чувство юмора даже несмотря на то, что многие из них перетерпели ужасающие страдания и лишения. Только сильная личность может рассказывать о своих горестях и неудачах, посмеиваясь над своими недругами и гонителями, и, в первую очередь, над самим собой. И это вовсе не самобичевание, а настоящий, истинный юмор, который позволял выживать в нелёгких, однообразных и беспросветных рабочих буднях.

Порой мы до колик в животе истерически хохотали над уморительными историями о приключениях и похождениях иммигрантов с Востока. Сначала я пытался запоминать эти байки, были и небылицы, но быстро понял, что память моя далеко не идеальна и не безгранична. Тогда я начал

впопыхах записывать рассказы моих товарищей на грязных и замызганных обрывках бумаги. Вот эти записи, а также личные впечатления автора и легли в основу этой необычной книги. А что из этого, в конце концов, получилось, можете судите сами.

КНИГА I. ОТ ПРИШЕСТВИЯ ДО ПОЛУНОЧИ

1. Джульетта

Июнь 2000 года.

Жаркое, ослепительное июньское солнце добела раскалило крыши, стены и мостовые древнего Лиссабона. Но, несмотря на это, на шумной улице старого города яблоку негде было упасть. Мимо невзрачного на вид парадного входа в пенсау «Магнолия» (Прим. Pensão — дешевая гостиница. порт.) непрерывно сновала многолюдная, пестрая толпа жителей и гостей столицы. Временами кто-то выныривал из кипящего людского потока и окунался в живительную прохладу этого жалкого подобия гостиницы. А иногда какой-то отчаянный смельчак выскакивал из пыльного коридора и очертя голову

бросался в бурлящий водоворот потных человеческих тел.

Не знаю, когда и зачем было построено это здание, но, похоже, со времен Великого Лиссабонского землетрясения здесь не производился даже поверхностный косметический ремонт. Видавшие виды стены номеров обветшалого пенсау были потрескавшимися, обшарпанными и уже давным-давно утратили свой изначальный цвет. Окна и двери этого подобию отеля, казалось, вот-вот отвалятся и рассыплются от дряхлости в пыль и прах. А деревянные лестницы душераздирающе скрипели и визжали под ногами трепещущих от страха постояльцев.

И хотя здание пенсау находилось почти что у самого центра города, но снаружи оно напоминало чудом уцелевшее строение Хиросимы после американской ядерной бомбардировки. Архитектор давно забытой эпохи когда-то замыслил, что наружные стены его детища будут иметь приятный тепло-оранжевый оттенок. Но время и местами обвалившаяся штукатурка превратили их в подобие кожи старой и облезшей пятнистой пантеры.

Тем не менее, седой и угрюмый Дон Жузе, являющийся и хозяином, и портье пенсау в едином лице, непомерно гордился своим, так сказать, благотворительным заведением. Листая за стойкой в минуты досуга эротические журналы, он любил

мимоходом заметить, что совершает Богоугодное дело, давая надёжный приют бедным иммигрантам с Востока за столь умеренную суточную оплату. По компетентному мнению хозяина пенсау, полтора контуша с человека за 24 часа постоя являлись чисто символической оплатой за его скромные, но весьма хлопотные услуги. (Прим. В 2000-ом году это приблизительно соответствовало 7,5 американских долларов) Однако по каким-то неведомым науке причинам беженцы из бывших португальских колоний избегали селиться в номерах сердобольного и благочестивого Дона Жузе.

Такое забытое Богом место просто обязаны были облюбовать мыши, крысы и прочие мелкие паразиты. Поразительно, но грызуны и домашние насекомые здесь почему-то совершенно отсутствовали! Словно и они брезговали этой ветхой развалюхой под гордым и вызывающим названием «Пенсау Магнолия». Хотя где-то в глубине моего сознания зародилось кошмарное подозрение: в темных дырах и щелях здания водится нечто такое, чего страшатся не только крысы, но даже вездесущие клопы и тараканы.

Но здесь их с успехом заменяли сомнительные личности всевозможных мастей и окрасок, паразитирующие на бедственном положении моих несчастных земляков и

соотечественников. Так называемые «трудоустроители» брались за определенную плату (по 350 долларов с украинцев и по 400 с россиян) подыскать им в кратчайшие сроки более-менее приличную и прибыльную работенку.

Вот уже вторую неделю я прозябал в этой грязной дыре, с надеждой и нетерпением ожидая решения моей нелёгкой проблемы.

— Ты кто? Инженер? — неприязненно покосился на меня мой трудоустроитель Маркэл и с печальной безысходностью выдохнул: — Значит без специальности.

Этот широкоплечий, не в меру накачанный парень обладал поразительной способностью перевоплощения, появляясь в каждый последующий день в пенсау под новым оригинальным именем. В нашей комнате он отзывался на имя Маркэл, в соседнем номере его звали Павел, этажом ниже — Ион. Хозяин же заведения обращался к нему не иначе как к сеньору Алешандеру. От такой глубокой конспирации и шпионской осмотрительности неприятно веяло ледяным ветерком с трудом забываемой Холодной войны.

Маркэл раздраженно швырнул на мою смятую постель ручку и блокнот, исписанный какими-то корявыми иероглифами, драматично возвел руки к облупленному потолку и трагическим голосом

произнес:

— Боже мой! Кого только не присылают нам эти долбанные турагентства! Сколько им можно объяснять, что нам нужны строители, строители и только строители! Ну, где же я найду тебе работу?

Постепенно, знакомясь с обитателями пенсау, я обнаружил странную закономерность, а если быть точнее — аномалию. Кого здесь только не было?! В гостинице можно было встретить кого угодно: уголовников, скрывающихся от карающего правосудия; рэкетиров, вытесненных из родных мест более удачливыми конкурентами; чиновников и работников силовых структур, негодных новым властям; офицеров и прапорщиков, уволенных за ненадобностью из рядов вооружённых сил; учителей, не желающих жить на нищенскую зарплату; инженеров и рабочих разорённых промышленных предприятий; неудачливых торговцев и обанкротившихся бизнесменов; молодых специалистов, не сумевших найти работу на Родине, и студентов, так и недоучившихся из-за нехватки денег на взятки преподавателям. А вот строители среди постояльцев пенсау практически не попадались.

Мои последние деньги неудержимо таяли, а подходящей работенки всё так и не находилось. К моему глубочайшему удивлению, сердобольный Маркэл вернул мне из задатка 50 долларов, чтобы я

мог хоть как-то питаться и оплачивать моё проживание в гостинице. А ведь на первый взгляд казался таким чёрствым и бесчувственным громилой! В ответ на слова моей искренней благодарности крепыш густо покраснел и сконфуженно пробурчал:

— С худой овцы шерсти не настрижешь. Потом вернёшь с первой зарплаты.

Я ютился в одной комнатухе с веселым и жизнерадостным Володей-каховчанином, а также с мрачным и молчаливым Степаном из Тернополя. Общая иммигрантская судьба сблизила нас — таких непомерно различных и вовсе не схожих друг с другом.

Мы неспешно вышли из пенсау и уныло поплелись вниз по оживленной и многолюдной улице. словно стайка певчих птиц, на бойком перекрестке щебетала группка беззаботных, милостивых и развеселых девушек. Над ними грозно и сурово возвышался немного обрюзгший гигант с курчавой, иссиня-черной ассирийской бородой. Как мудрый лев-вожак, он зорко и невозмутимо следил за порядком в своей шумной и суетной стае.

— Пошли за хлебом! — обливаясь потом, буркнул я и покосился на уныло бредущего рядом Степана. Но тот внезапно остолбенел и с немым

восторгом вперился во что-то весьма необычное на другой стороне запруженной транспортом улицы. Казалось, что мой высокорослый и статный сосед по номеру попросту перестал меня замечать.

— Мать Божья! Какая же она красивая! — наконец, простонал он.

Я изумленно проследил за его мутным, затуманенным взором. В сонме веселых и разбитных подруг стояла ОНА, стройная как былинка, но в тоже время с крутыми бедрами и впечатляюще-пышным бюстом.

— Как голубя среди вороней стаи,
Ее в толпе я сразу различаю, —

пронеслись в моём сознании слова великого поэта. Только по иронии судьбы вороны почему-то были белыми, а голубка — абсолютно черной. Дело в том, что миловидная девушка, несомненно, была законнорожденной дочерью знойной Африки и ее предки вышли из самых глубин свободолюбивого Черного Континента.

Взоры Степана и африканки встретились, и будто незримая нить соединила их необычайно ранимые и чувственные сердца.

В этот момент к нам подбежал Федор из соседнего номера пенсау и неистово заорал над самым моим ухом:

— Хлопцы! Я тут нашел ложу, где отличную колбасу дают! Ну, точно, как наша докторская! (Прим. Ложа — магазин, порт.)

— Это в Советском Союзе колбасу давали, а здесь её сбывают. Да еще и местную валюту за неё по какой-то причине требуют! — с сарказмом ответил я, звеня мелкими монетами в моём кармане.

— Так всего же 600 эскудо за кило, — как бы оправдываясь, проворчал Федор. — Считай, что задаром. Как хотите, а я побежал.

Весть о дешевой колбасе не на шутку озадачила меня и основательно взволновала мое трепетное сердце. Я обернулся к Степану, но тот словно растворился в спёртом воздухе и материализовался на противоположной стороне проезжей части улицы. Рискую угодить под колеса, я зигзагами пересек густой поток автомобилей и резко дернул Степана за рукав рубахи. Но он, вне всякого сомнения, меня не видел и не слышал.

— Я — Степан! — тыкал он себя в грудь. — А ты?

И палец с грязным ногтем уперся в розовую блузку чернокожей девушки.

— Sou Julia, — застенчиво улыбнулась экзотическая красавица.

Всё это чем-то напоминало мне сцену встречи Колумба с аборигенами Нового Света. И, пока дело не дошло до меновой торговли, я, что было мочи,

гаркнул Степану прямо в оттопыренное ухо:

— Там колбасу дешевую дают! Бежим, а не то останемся голодными!

Но мой офонаревший товарищ даже не шелохнулся. Ничто материальное и прозаическое, тем более какая-то залежалая колбаса, в данный момент его совершенно не интересовало.

— Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда, — вспомнил я древний афоризм и вприпрыжку бросился за уже скрывшимся за углом Федей.

Степан вернулся в пенсау только к позднему вечеру. Нижняя губа его была разбита, а под глазом отчетливо проступал огромный синяк. Да и сам он выглядел так, будто его метров двадцать протащили по шершавому асфальту, да ещё при этом непрерывно встряхивая и переворачивая. Его гордость и величайшая драгоценность, фотоаппарат «Зенит», которым он щелкал на каждом углу столицы, а также наручные «Командирские» часы бесследно и, похоже, безвозвратно исчезли.

— Боже Праведный! Что с тобой стряслось?! Где ты был?! — ужаснулся потрясенный Володя. — Неужели местная Мафия?!

— Да что ты! — всхлипывая от обиды и досады, промямлил Степан. — Я был у Юлии дома, в её комнате.

И неожиданно на помятом и подпорченном лице тернопольца возникло выражение неопишуемого счастья и безумного блаженства. Чудные воспоминания затмили и изгнали чувство боли и унижения из его израненного сердца. И расплывшиеся в улыбке распухшие губы бедняги чуть слышно пролепетали:

— Я никогда в жизни не испытывал ничего подобного. Теперь я знаю, что такое Рай.

— А когда Рай закончился? — бесцеремонно вернул Степана на грешную землю Володя.

— Тогда Юля начала что-то говорить. Но вы же знаете, что я по-ихнему ни бум-бум, — тяжело вздохнула жертва неудачного стечения обстоятельств. — А она говорила все громче и громче. Наверно думала, что я плохо слышу. А тут, вдруг, вернулся её старший брат. Ну, тот, что с бородой. Да так разорался, застав нас вместе! Ну, я попытался объяснить ему, что мы любим друг друга, что у меня самые что ни на есть серьезные намерения, что я даже готов жениться на Юлии. А он мне своим кулачищем прямо в глазик! Вывернул карманы, снял часы и...

Глаза бедолаги заблестели и наполнились хрустальной влагой.

— ... и отобрал мой «Зенит»! — чуть не рыдая, закончил он.

Надо заметить, что Степан был неважным собеседником и явно польстил славному городу Тернополю, назвавшись его уроженцем. Скорее всего, Родиной его было глухое село достаточно-таки отдаленное от областного центра. И только благодаря неустанной заботе папиного ремня и подвигу старенькой сельской учительницы, он все-таки умудрился овладеть основами родной речи. Зато изъяны воспитания и образования ему с успехом заменяли огромный рост и бугристые мышцы, которым позавидовал бы и сам Арнольд Шварцнегер.

Но самое удивительное заключается в том, что, увидев Степана впервые, я принял его за нескладного и долговязого парнишку, которого по хилости комиссовали из армии. Просторная рубаха, широкие штаны и простецкое личико придавали ему вид юнца, которому папаша презентовал свои личные вещички для поездки в далёкую и неизведанную Португалию. Меня просто изумило, когда Володя по секрету шепнул мне на ушко, что этому парню уже за тридцать и у него две дочери школьного возраста. Но настоящее потрясения ожидало меня поздно вечером, когда Степан перед сном непринуждённо сбросил маскирующую его одежду. Такого идеального, богатырского телосложения я в жизни моей ещё ни разу не видел! И это была не гипертрофированная мощь

профессионального культуриста, а природная красота сильного, крепкого и в тоже время невероятно гармоничного мужского тела.

На следующее утро Володя, по своей ловеласовской привычке, принялся заигрывать с горничной, которая готовила соседний номер к предстоящему въезду новых постояльцев. А та, воспользовавшись таким случаем, попросила заморского любезника помочь ей передвинуть шкаф в подсобном помещении. Я имел неосторожность как раз проходить мимо и каховчанин тут же ухватил меня рубаху:

— Василий! Не в службу, а в дружбу, помоги нам передвинуть шкафчик в вещевой кладовке!

Но на поверку шкафчик оказался огромным трёхстворчатым шифоньером, который был доверху набит всё ещё влажным постельным бельем. И как мы ни пыхтели, ни кряхтели, но даже втроём сдвинуть эту громадину с места так и не изловчились.

— Нужно разгружать шкаф, — высказал я моё компетентное суждение. — Вот тогда, хоть и с трудом, но мы всё-таки его передвинем.

— Ещё чего! — проворчал Володя, виновато косясь на улыбающуюся горничную, которая вполне годилась ему в тётки. — Ведь шкафчик-то нужно лишь передвинуть в угол, всего на какой-то шивый метр. Лучше сбегай в наш номер и позови

на подмогу Степана.

Когда же я вернулся с тернопольцем, то в кладовке почему-то уже никого не было. Мне ничего не оставалось, как объяснить Степану поставленную задачу и отправиться на поиски хозяйки и её навязчивого каховского воздыхателя. Они оказались в том же всё ещё незанятом номере и их отношения, как мне почудилось, переходили в стадию непринуждённого взаимного сближения. Об этом наглядно свидетельствовала рука Володи, беспечно лежащая на крутом бедре миловидной горничной.

— Володя, угомонись! Не нарушай законы причинно-следственных связей! — бесцеремонно прервал я процесс наведения мостов дружбы между народами. — Сначала услуга, затем благодарность! Если Степан сейчас уйдёт, то тебе придется срочно нанимать бригаду местных лиссабонских докеров!

Володя что-то глухо вякнул и смиренно поплелся за мной, как узник совести на бессрочную сибирскую каторгу. Однако Степана у входа в подсобное помещение мы, к сожалению, так и не обнаружили.

— Ну, вот! Смылся! — раздосадовано забрюзжал каховчанин и без всякой надежды заглянул в открытую дверь кладовки.

Неожиданно лицо моего друга вытянулось, а очи выпучились, рискуя выпасть из широко

растворенных глазниц. Я отодвинул моего впечатлительного компаньона в сторону, опасливо заглянул в подсобку и очень осторожно вошёл. Не узрев ничего ужасающего, я попытался потихоньку заглянуть в шкаф. И только тут уразумел, что шифоньер уже стоит в углу, как того и желала наша приветливая и покладистая горничная.

— И как он только умудрился это сделать? — услышал я за спиной сдавленный голос Володи. — Если он просто затолкал его в угол, то на полу должны были остаться царапины. А их нет! Видно, действительно, сила есть — ума не надо!

В последующие дни мы пытались наладить контакт с угрюмым тернопольцем и найти хоть какие-то общие темы для разговора. Но на все наши вопросы он отвечал неохотно и односложно, а иногда и попросту издавал какие-то непонятные рокочущие звуки.

А вот фотodelo Степан знал и любил, и мог часами восторженно говорить о фокусах, ракурсах, выдержках и экспозициях. Именно поэтому потеря «Зенита» была для него таким тяжким ударом и невосполнимой утратой.

— И ты не мог скрутить этого бородатого нахала в бараний рог и вышвырнуть его из окна! Или хотя бы галантно спустить его вниз по лестнице! — брызгая слюной, возмущался

Володя. — На память о вашей незабываемой встрече он оставил себе твой фотоаппарат и часы! А тебе — синяки, ссадины, да ещё и разбитую губищу в придачу! И ты так безропотно позволил ему себя разукрасить?! В тебе же звериная сила!

— Но ведь он же брат Юлии и должен о ней заботиться, — заунывно стенал Степан. — Ему видно вовсе не всё равно, что скажут о ней соседи.

— Но ты хоть что-то запомнил из всего того, что кричал бородатый? — не унимался Володя.

— Чаще всего он повторял слово «дынейру», — расстроено буркнул Степан.

Мне показалось, что Володю-каховчанина сейчас хватит удар. Он, как подкошенный, свалился на пол и начал кататься, истерически хохоча, хватаясь руками за живот и суча ногами по пыльному, выцветшему ковру. Приступы дикого смеха сменялись какими-то нечленораздельными звуками, шипением и бульканьем, так что я стал серьезно опасаться за его психическое и физическое состояние. Конечно, если б Степан не был так занят своей собственной трагической судьбой, то может быть, и он обратил бы внимание на судороги и конвульсии своего соседа. Но личное несчастье всецело завладело его душой. И что ему было до того, что кто-то корчится в эпилептическом припадке у его не в меру благоухающих потных ног.

Степан, очевидно, был в плену того мифа, усердно раздуваемого турагентствами, что стоит вам только ступить на португальскую землю и пообщаться с аборигенами, как через месяц-другой вы с легкостью заговорите на кристально-чистом языке Камознса, легендарного творца и созидателя эпических «Лузиад». Поэтому Степан считал излишним учить португальский язык и даже не купил дешевого разговорника, всецело полагаясь на скудные знания своих случайных товарищей.

— Динейру — это деньги! Это то, ради чего ты сюда приехал! — наконец, выдавил из себя между приступами хохота Володя.

— Ты что этим хочешь сказать?! — вдруг грозно и воинственно нахмурился возмущенный Степан.

— Он хочет сказать, что прекрасная Джулия — обладательница древнейшей в мире профессии, а ее «старший брат» обычно значится в полицейских протоколах как сутенер и сводник, — мягко пояснил я насупившемуся простофиле.

Глаза Степана сузились, и в них появился какой-то противоестественный и жутко нездоровый блеск. Его огромные кулаки сжались, могучие мышцы напряглись. И я начал серьезно опасаться, что сейчас буду расписан под Хохлому за оскорбление чести и достоинства прекрасной и непорочной дамы. Моя рука судорожно нащупала

спинку стула, чтоб было хоть чем-то, в случае чего, остудить пыл влюблённого и страстного Монтеки. Но блеск в очах Степана постепенно угас, и руки его безвольно обвисли, словно избитые, старые плети. Ошеломленный великан с огромным трудом совершил несколько глотательных движений и хриплым голосом простонал:

— Пречистая Богородица! И что же теперь скажет Катя?

Так случилось, что жена Степана два года назад уехала на заработки в Италию и растворилась на необъятных просторах старушки Европы, прислав лишь краткую весточку:

«Не жди. Я вышла замуж. Живи, как знаешь».

А вскоре Степан встретил Катю, которую постигла аналогичная участь. Ее муж отбыл на заработки в соседнюю Польшу и неожиданно пропал без вести. Родственные души сошлись, но денег на беспроblemную жизнь катастрофически не хватало. И вот Степан отправился пробивать окно в Европу, а Катя осталась присматривать за двумя дочерьми Степана и своим малолетним сыном от первого брака.

— Не кручинься, молодец! — произнес кое-как пришедший в себя Владимир. — Многие мои друзья даже не считают изменой такие увлекательные приключения, особенно, если была использована защитная «кольчуга».

Лицо Степана вытянулось:

— Какая такая кольчуга?

— А было ли при вашей пылкой встречи использовано маленькое, но очень полезное резиновое приспособление? — вкрадчиво поинтересовался я. — При надувании, оно разительно напоминает детский воздушный шарик. Хотя основное его назначение как раз для того, чтобы детей не было.

Лицо Степана вытянулось еще больше и стало похоже на среднеазиатскую дыню, поставленную на торец.

— Да-а-а-а... Тогда синяк под глазом и разбитая губа покажутся тебе легким огорчением сорванца, поставленного за шалость и озорство в угол. Если конечно, сравнить с тем, что может обнаружиться в ближайшем прекрасном будущем, — глубокомысленно заметил я. — Перед тобой открывается широкая перспектива приобрести что-либо весьма экзотическое: начиная от модного в артистических кругах СПИДа, кончая банальной гонореей, называемой в простонародии триппером.

— Не сгущай краски! — вмешался уже совершенно оправившийся от потрясения каховчанин. — У него все-таки есть очень даже неплохие шансы выжить. Примерно 50 на 50.

Каким-то образом весть о приключениях Степана молниеносно разнеслась по переполненному пенсау, и обитатели соседних комнат с невероятной быстротой наполнили нашу уютную спальню. Возникло нечто вроде стихийного симпозиума на тему «Спонтанная страсть и её печальные последствия». Причём оппоненты спорили до хрипоты, до конца отстаивая свою точку зрения.

— Такие страстные порывы надо тушить вручную, собственными руками, — гремел бас Федора, бывшего пожарника из Ровно.

И он наглядно показал, как это, по его личному мнению, нужно делать.

— И тогда всякие глупые мысли никогда не будут лезть в вашу пустую, безмозглую голову. Излишнюю озабоченность как рукой снимет. За это могу поручиться собственной головой. Даю правую руку на отсечение! — заверил Федя, дружески похлопывая Степана по плечу.

Несомненно, бывший борец с огненной стихией имел громадный опыт в этом нелегком, ответственном, но очень полезном деле.

— Не тушить, а душить! И душить в зародыше! — резким голосом, похожим на скрип не смазанной телеги, возражал ему Иван Сергеевич, бывший работник государственной безопасности, уволенный за злоупотребление служебным

положением и алкоголем.

Неожиданно он плутовски ухмыльнулся, хитро по-ленински прищурил глазки и весомо высказался:

— Вспомните бессмертные строки Александра Сергеевича Пушкина: «Души прекрасные порывы!»

— Но ведь другой великий поэт говорил, что «если чувствам ходу не давать, они мельчают от переполнения», — попытался защитить Степана учитель словесности из Омска Петр Игоревич.

— Ой-ой! Только не надо цитировать Вильяма! — перекосилось лицо Ивана Сергеевича, будто он хлебнул глоток неразведённого уксуса. — Гений, который написал «Отелло», был бы со мной вполне солидарен!

— Нет, нет! Вы абсолютно неправы! — вступился за Петра Игоревича Саид — студент-недоучка из Душанбе, выдворенный из университета за аморальное поведение. — Всем истинным влюблённым присущи страстные душевные порывы и ради возлюбленной своей они готовы на безумные поступки. Один великий восточный поэт как-то сказал.

И юноша нараспев с вдохновением продекламировал стихи на неизвестном мне языке.

— Чего, чего?! — с удивлением уставились все присутствующие на жизнерадостного

низкорослого таджика.

— На русский язык это можно перевести приблизительно так:

«Ради родинки смуглой твоей, одного
благосклонного взгляда,
Я отдам Самарканд с Бухарой и в придачу
богатства Багдада», —

растолковал почтенной публике свои вирши
вечно улыбающийся Саид.

— Ха-ха-ха! — снова истерически захохотал
Володя и, с трудом успокоившись, беззаботно
подметил: — По сравнению с твоим
расточительным восточным шейхом, наш Степан —
просто скряга! За час любовных утех он отдал всего
лишь старенький «Зенит» и какие-то паршивые
ручные часы!

— А телесные повреждения?! А изорванная
одежда?! А моральные страдания?! — возмутился
Иван Сергеевич. — На Западе, при знании местных
законов, за всё это можно привлечь хулигана к
ответственности и получить солидную денежную
компенсацию!

— Опомнитесь, дядя Ваня! — иронично
скривил губы Володя. — Мы — нелегальные
иммигранты! И находимся на территории
Португалии незаконно!

— Ничего! Пусть это будет ему горьким уроком! На ошибках учатся! — оптимистично заверил Фёдор.

— А после ошибок лечатся! — ехидно захихикал Володя.

— Не тело брренное нужно лечить, а душу бессмертную, — подал свой веский голос монаха-расстриги Викентий, отлученный от церкви за богохульство и вольнодумство. — Прелюбодеяние — одна из восьми греховных страстей, которая отдаляет нашу душу от Бога. Преклони колени, сын мой, перед Творцом нашим! Молитвами святыми и слезами раскаяния очисти себя от скверны порочной!

— Да бросьте Вы Ваш «опиум для народа», батюшка! — цинично забрюзжал Салех Баятов, оставшийся не у дел преподаватель научного коммунизма, изгнанный из Баку за нелояльность к новой власти. — Жизнь человеку дается только одна! А этому парню будет хоть что-то вспомнить перед тем, как он сгинет, сгниет и распадется на атомы.

— Всякому рабу Божьему в конце жизненного пути воздастся по заслугам, — мягко улыбнулся бывший священник. — Душа после смерти попадает именно туда, куда она и заслуживает сообразно воззрениям и Вере оного человека. А где же окажется душа атеиста? Если поразмыслить

логично, она попадет в «Никуда» и будет пребывать там вечно! А Вам не кажется, милейший, что это «Никуда» и есть самый глубинный и ужасающий круг Ада?

Постепенно страсти улеглись, и искатели лучшей доли разбрелись по своим душным комнатушкам. И лишь Степан так и остался сидеть неподвижно на ветхом стуле с выражением лица городничего из финальной сцены «Ревизора».

Утром судьба увлекла меня в далекий город Фамаликау, и я уехал поднимать строительную индустрию Португалии до высшего мирового уровня.

Три года спустя, возвращаясь из отпуска, я случайно оказался на том же самом перекрестке улиц старого Лиссабона. Джульетта все так же стояла в кругу своих легкомысленных подруг под бдительным надзором сурового «ассирийца». Только гигант ещё более обрюзг, а его благородный нос был каким-то странным образом уродливо деформирован. По-видимому, перебитая в драке переносица срослась неправильно и обезобразила лицо верзилы, сделав его внешний вид ещё более грозным и устрашающим. Я бы даже сказал зверским. Да и формы Джулии расплылись и округлились, а взор стал циничным, оценивающим и вызывающим. Наши взгляды встретились, и она

подарила мне дерзкую и многообещающую улыбку. И я увидел ее мелкие, утратившие белизну и тронутые кариесом зубы.

«Ведь женщины как розы. День настанет,
Цветок распухнет и вмиг увянет», —

вспомнил я гениальные слова Шекспира, развернулся и решительно зашагал прочь.

2. Невеста

Дорога серебристой змеей причудливо вилась среди ухоженных ферм и усадеб, изумрудно-зеленных полей и густых эвкалиптовых рощ. Какая-то неведомая, чудовищная сила как будто расчистила обычно забитую транспортом оживленную муниципальную магистраль. И наша «Тойота» одиноким призраком неслась навстречу поднимающимся из-за горизонта отрогам живописнейших мгlistых гор.

У меня возникло серьезное подозрение, что той неведомой силой, опустошившей дороги и улицы Португалии, был предстоящий матч очередного тура национального чемпионата по футболу. В столице в споре Грандов решался самый животрепещущий вопрос общественной и

политической жизни страны: кто станет чемпионом. И хотя до начала баталии оставалось еще более часа, все дееспособное население Лузитании забросило свои текущие дела и припало к экранам телевизоров, смакуя прелюдию к предстоящему спектаклю, и живо обсуждая и взвешивая шансы маститых претендентов.

Несмотря на то, что мой патрон никогда не был фанатичным поклонником кожаного мяча, но и он отдал дань всеобщему помешательству, выжимая из автомобиля всю скорость, на которую тот был способен. Ему не терпелось поскорее добраться до любимого кафе, где он мог бы откровенно выразить друзьям и приятелям свое веское мнение о перспективах развития португальского футбола. С калейдоскопической быстротой мимо окон «Тойоты» мелькали перекрестки, развилки, указатели и дорожные знаки.

Дорога серпантинном запетляла между изумительными по красоте лесистыми холмами, и предательский комок ползучей тошноты подступил к моему пересохшему от жажды горлу. Я раздраженно покосился на шефа.

— У-у-у! Шумахер недоделанный! — мелькнула в голове неприязненная мысль.

— Спокойнее, спокойнее! Я вовсе не спешу в гости к Всевышнему! Его ведь может весьма

огорчить мой неожиданный, незапланированный визит. Особенно перед самым началом такого важного матча. Недаром на моей Родине говорят: «Нежданный гость — хуже татарина», — проинформировал я патрона.

Паулу непонимающе взглянул на меня, затем отмахнулся, как от назойливой мухи, и еще глубже вдавил педаль акселератора в корпус микроавтобуса. Меня, как мешок с навозом, швыряло из стороны в сторону на нескончаемых изгибах пустынной автотрассы. Комок тошноты поднимался все выше и выше, и я явственно почувствовал, что нынче огорчу моего нетерпеливого патрона до полной невозможности.

— Кажется, сейчас я представлю шефу полный, развёрнутый отчёт о том, что изволил откусать сегодня за завтраком и обедом, — с тоской подумал я и приготовился к неизбежному. Оказывается, чтобы подхватить морскую болезнь, совершенно не обязательно выходить в необозримую морскую даль на неустойчивом, утлом суденышке.

Неожиданно из-за придорожных кустов появилась кавалькада семенящих четвероногих созданий и бросилась наперерез ревущей от натуги «Тойоте». За какую-то долю секунды я успел заметить, что это была торжественная процессия, предваряющая шумную и весёлую собачью

свадьбу. Впереди, гордо подняв острую морду, величественно бежала рослая невеста, а чуть сзади мелко трусила свита разношерстных претендентов на ее лапу и сердце.

Дико завизжали тормоза. Безжалостная сила инерции бросила наши тела вперед. И если б не ремни безопасности, то мы бы продолжили наше путешествие сквозь лобовое стекло над дорожным полотном на захватывающем брющем полете. Послышался звук сильного удара и душераздирающий вопль жертвы. Микроавтобус на неподвижных шинах, виляя из стороны в сторону, проехался метров двадцать по раскаленному асфальту и, наконец-то, остановился. За его кормой остался двойной черный змееобразный след и облачко зловонного сизого дыма от подгоревшей резины покрышек.

Я с удивлением прислушался к моим ощущениям. Дыхание было спокойным, сердце билось ровно. По-видимому, я даже не успел толком испугаться и осознать весь трагизм и ужас произошедшего. Обернувшись к патрону, я увидел, как обильный пот ручьями струиться по его побледневшему от страха лицу. Дрожащими руками он отстегнул ремень, выскочил из автомобиля и с нескрываемым ужасом взглянул на капот «Тойоты». Затем Паулу оббежал автомашину, промчался по её тормозному пути и застыл как

вкопанный, потрясенный открывшимся перед ним зрелищем. Я трусцой последовал за шефом, чтобы стать очевидцем кошмарных последствий фатального столкновения.

На асфальте, грациозно раскинув лапы, безмятежно почивала экс-невеста, так и не успевшая стать добропорядочной женой и любящей матерью.

Свадьба совершенно неожиданно расстроилась и преобразилась в скорбную поминальную панихиду. Вокруг безвременно усопшей суки траурно склонились молчаливые и угрюмые бывшие женихи. И только один пес, видно самый сострадательный и впечатлительный, оглашал окрестности заунывным воем, от которого кровь стыла в жилах. То ли он горестно оплакивал судьбу своей несчастной возлюбленной, то ли печальную участь своей правой лапы, которую переехала задним колесом «Тойота».

Я украдкой взглянул на перекошенное от ужаса лицо моего шефа. Небритые щеки и подбородок его тряслись, округлившиеся карие очи наполнились горячими, обильными слезами.

— Кто бы мог подумать, что Паулу такой сердобольный, сострадательный и чувственный парень! — искренне удивился я.

За год моей работы у патрона я видел слезы на его глазах всего лишь два раза: когда он положил на

цыпленка слишком много пири-пири, и когда на его ногу упала увесистая эвкалиптовая доска.

— Моя... моя дорогая... — с трудом проглотив слюну, наконец, выдавил из себя Паулу. — Моя дорогая, новенькая «Тойота».

Разогнав пинками незадачливых женихов, он низко склонился над телом трагически погибшей невесты. Хлюпая носом и смахивая крупные слёзы, патрон принялся тщательно изучать ошейник жертвы инцидента. И, вдруг, сквозь слезы застилавшие глаза и струившиеся по небритым щекам шефа, пробилась теплая и кроткая улыбка облегчения. Прорвалась, словно лучик весеннего солнышка сквозь сплошные массивы обложных, дождевых облаков.

— Что? Что случилось? — с величайшим усилием прохрипел я.

— Адрес... На ошейнике есть адрес хозяина суки, — умиленно промурлыкал шеф и внезапно грозно взревел: — Теперь этот ротозей за всё мне заплатит! Как за мои ужасающие моральные страдания, так и за помятый бампер машины!

Я попросту опешил от неожиданности. Вот тебе и сердобольный патрон!

Но тут из-за изгороди соседней фермы показался рослый, не в меру упитанный и чересчур воинственно настроенный хозяин вновь представившейся суки. На Паулу неслись как

минимум 120 взбешенных и разгневанных килограмм живого веса. Но не так-то и легко было смутить моего бойкого и задиристого патрона. И хотя мой шеф был на голову ниже и в два раза легче своего дородного оппонента, он смело наскочил на грудь разъяренного и грозно колыхающегося сала. Налетел как молоденький петушок на важного, надутого индюка, почитаемого старосту густонаселенного птичьего двора.

Паулу и фермер так дико кричали и так отчаянно махали руками перед физиономиями друг у друга, что я даже начал опасаться, как бы они не подхватили простуду или бронхит от созданного ими же сильного сквозняка. Но ни к рукоприкладству, ни к мордобою, к моему глубочайшему разочарованию, дело так и не дошло. Через полчаса страсти постепенно улеглись, и переговоры перешли в более спокойное и конструктивное русло.

— О Paulo! — вдруг раздался низкий, басистый голос с другой стороны автострады.

Мой шеф круто развернулся на каблуках, и его лунообразный лик озарился счастливой и блаженной улыбкой.

— О Pedro! — заорал он в восторге и бросился через дорогу к усатому гражданину в оранжевом комбинезоне и строительной каске.

Сколько бурных чувств и искренней радости

было в этой волнительной и эмоциональной встрече! Они обнимались, целовались и неистово хлопали один другого ладонями по мускулистым плечам. Да так рьяно, что облако выбитой из одежды пыли постепенно сгустилось и окружило давно не видавшихся старых товарищей.

— Наверное, это своеобразны экономичный португальский способ чистки грязной и запыленной одежды, — решил было я. — Дешево, надежно и практично.

Напрягая мой слух и скудные знания португальского языка, я вскоре выяснил, что Паулу и Педру вместе работали во Франции и не виделись около семи-восьми лет.

Только сейчас я заметил, что на развилке дороги велись интенсивные дренажные работы. Мои соотечественники усердно рыли неглубокие канавы и аккуратно укладывали в них керамические сточные трубы. Я уже собрался было пойти поговорить с земляками, как вдруг Педру посмотрел на меня снизу-вверх и поинтересовался у своего давнего приятеля:

— Ucraniano? (Прим. Португальцы называли всех гастарбайтеров из бывших республик СССР «ucranianos», так как украинцев среди них было большинство).

Лицо Паулу еще шире расплылось в самодовольной улыбке, и он надулся, как банный

мыльный пузырь:

— Engenheiro! В моей бригаде два инженера, два учителя, один дантист из Минусинска, чемпион Омска по армрестлингу и ещё два рэкетира! Все парни как на подбор! А теперь все стали отличными «estudadores»! (Прим. Штукатур, порт.)

— Два рэкетира?! — выпучил от удивления глазёнки усатый дорожник. — А это ещё что ещё за птицы?!

— Не могу тебе сказать точно, но думаю, что в Украине это ученый со степенью не ниже докторской, — просветил своего старинного друга мой заносчивый патрон.

У Педру от удивления челюсть отвисла. Затем его лицо осунулось и помрачнело. Видно, ему стало невыносимо обидно, что такой бездарь и недоучка, как Паулу, сумел набрать такую образованную и интеллигентную команду.

— Зато у меня есть такой экземпляр, который тебе даже в сладких снах не снился!

Педру театрально щелкнул пальцами и причмокнул губами:

— O Stepan!

Из толпы работающих землекопов вышел здоровенный детина с огромными мускулистыми ручищами. Я чуть было не подпрыгнул от изумления. Да ведь это же Степан из Тернополя, с которым я две недели прозябал в одном номере

лиссабонского пенсау в ожидании трудоустройства! Но вот только с тех самых пор он заметно окреп, возмужал и солидно прибавил в весе. Однако серо-голубые очи гиганта как будто потускнели и утратили им присущий живой, изначальный блеск. Да и его когда-то румяное личико зримо осунулось и посерело, как после затяжной первомайской попойки.

Степан туманным, ничего не видящим взором только скользнул по моей особе и вопросительно уставился на своего строгого, набычившегося начальника. А тот быстро достал из багажника «Бедфорда» пятилитровый стеклянный бутыль вина в плетеной из тростника защитной оболочке. Garaffa (Прим. Бутылка, порт.) была начата, но добрая половина её содержимого всё ещё кокетливо плескалась внутри посуды. Паулу и Педру по очереди заглянули в горлышко сосуда, будто ожидая, что сейчас оттуда появится джинн и тут же исполнит их самые сокровенные и дерзновенные пожелания.

— Пить будешь? — спросил Педру у великана. — А не то вылью!

В глазах Степана появился благородный, негодующий блеск. Он выронил тяжелую кирку из мозолистых рук и не спеша взял предложенную ему «garaffa» за горлышко. Исполин сделал несколько «профессиональных» круговых движений,

основательно взбалтывая содержимое бутылки. И вдруг гигант замер и призадумался. По-видимому, он еще не привык пить без веских причин или какого-либо искусственно надуманного повода. Глаза его забегали в поисках чего-то существенно-важного и остановились на распластанных на асфальте останках невесты. Великан торжественно поднял бутылку, и губы его скорбно прошептали:

— Упокой Господи душу её.

И ловким, сноровистым движением бугристой руки богатырь поднес узкое горлышко бутылки к своим бледно-розовым пухлым губищам. Кадык его задергался, и рубиновая жидкость стала переливаться из одного сосуда в другой, то есть прямиком в объёмистый желудок гиганта. Португальцы смотрели на это представление как замороженные. Ни разу не прервав питиё, Степан, наконец-то, оторвал от уст пустую флягу, размашисто вытер губы рукавом и довольно крикнул. Затем он недоуменно покосился на своего шефа и в глазах его четко вырисовался немой, но чрезвычайно актуальный, насущный вопрос:

— А закусить?

Но португальцы уже восторженно обсуждали увиденное, дивясь природному дарованию могучего и талантливового «испанiano».

— Я думаю, что мой чемпион по

армрестлингу Виталий тоже так сможет, — как-то не очень уверенно заявил Паулу и, кисло кивнув подбородком в мою сторону, с сожалением добавил: — Василий, понимаешь ли, не пьет.

— Да Степан и полную бутылку, не отрываясь, выпьет! Хочешь, поспорим? — расхрабрился сверх меры взбудораженный Педру.

Но, так и не дождавшись ответа на дерзкий вызов, он, как благородный рыцарь, величественно повернулся к Степану, холодно улыбнулся и властно скомандовал:

— Иди, работай!

Степан, кряхтя, подобрал кирку и уныло побрел на свое рабочее место. Там он стал ритмично, с частотой одного удара в пять секунд, долбить неподатливый каменистый грунт.

— Так он после выпитого еще и работать будет? — захолопал ресницами потрясенный Паулу.

— Конечно уже не так хорошо, как до этого, но до конца смены безусловно выдержит, — заверил его Педру.

Степан успел выдолбить в твердой породе солидную яму и Педру, подскочив к гиганту, переместил его на метр вперед в направлении будущей сточной канавы. А деградирующий потомок Котигорошка с остекленевшими глазами всё так же бесстрастно продолжал выворачивать грунт на новом месте.

— Сам понимаешь, — пояснил возвратившийся к другу Педру. — Без моего чуткого руководства никак не обойтись. А то этот парень, если оставить его без присмотра, запросто продырявит колодец до самого Макау. (Прим. Макау — бывшая португальская колония в Китае).

— Спаси, Бог! — вдруг как ужаленный подскочил Паулу, хлопнув себя ладонью по лбу. — А как же футбол?!

Педру масляно улыбнулся и открыл дверцу «Бедфорда». Там стоял портативный телевизор, подключенный к аккумулятору автомобиля.

— У нас тут срочный заказ, — тяжело вздохнул Педру. — Никто из наших работать не хочет. А украинцы — хоть по 24 часа в сутки. Лишь бы платили! А мне, вот, гранд-патрон поручил присматривать за ними. Но матч я все-таки не пропущу!

Педру шустро сбегал к канаве и передвинул Степана на новое место. А тот заунывно в такт ударам кирки глухо напевал:

— Эй, эй у-у-ухнем! Эй, эй у-у-ухнем!

Паулу неожиданно вздрогнул и резко обернулся к своей «Тойоте». Но толстый фермер и останки невесты бесследно растворились в вечернем воздухе. И только помятый бампер напоминал о неприятном дорожном происшествии.

— А-а-а, поехали! — отчаянно махнул рукой

Паулу. — Не то действительно опоздаем!

На его шее уже висело три судебных процесса. На двух он проходил ответчиком за неоплаченные материалы, поставленные ему доверчивыми фирмами в кредит. На третьем процессе Паулу выступал, как истец перед субподрядчиком, который опрометчиво при свидетелях пообещал оторвать моему патрону голову за неоплаченные им работы. Но там моему боссу грозил неминуемый встречный иск. И хотя Паулу получал неопишное удовольствие от судебных тяжб и разбирательств, но «собачий процесс», очевидно, не входил в его перспективные наполеоновские планы.

«Тойота» резво сорвалась с места и стрелой помчалась в далекий провинциальный Фафе. А в зеркале заднего обзора постепенно уменьшалась могучая фигура Степана, кирка которого неустанно вгрызалась в гостеприимную португальскую землю, дающую нам заработок, приют и пропитание.

3. Volta a Portugal

Прогремели последние раскаты бурной и скоротечной, но приятно освежающей летней грозы. Черно-серая пелена неба разорвалась, и ослепительный поток солнечных лучей хлынул на

центральную площадь провинциального города. Сама же площадь и её окрестности походили на огромную грибную поляну из-за бесчисленных зонтиков горожан, почётных гостей и заезжих туристов. словно лопающиеся детские шарики, зонтики начали повсеместно захлопываться, и через пару минут площадь уподобилась цветущей клумбе от ярких и пестрых одеяний болельщиков и зевак. Несмотря на неистовое утреннее ненастье, и стар и млад явились поглазеть на очередной этап увлекательной велогонки «Volta a Portugal». Умытые летним ливнем крыши, улицы и скверы городка радовали сердце и глаз чистотой и свежестью насыщенных красок и оттенков. Пастельное полотно радуги, сотканное из преломленных лучей дневного светила, цветастым махровым полотенцем протянулось над непокрытыми головами взбудораженных зрителей. Оно словно волшебный арочный мост, соединило живописные холмы, окружающие небольшой, но весьма уютный периферийный город.

Воздух, насыщенный запахами озона, цветов и свежескошенной травы газонов, возбуждающе ласкал чувственные ноздри и до умопомрачения кружил мою голову.

Под подбадривающие крики и улюлюканье зрителей на площадь ворвалась небольшая группка велосипедистов в насквозь промокших от пота и

ливня майках. Громоподобно зазвучали многочисленные горны, рожки, дудки, сирены, а также трещотки неистовых почитателей и фанатов велосипедного спорта. На гонщиков пестрым дождём посыпались конфетти, бумажный серпантин и прочий разноцветный мусор. Очевидно, некоторые предприимчивые горожане Фафа нашли довольно-таки оригинальный способ избавиться от мелкой ненужной макулатуры. (Прим. Фафе — городок, расположенный недалеко от Гимараеша).

Какой-то не в меру ретивый зритель резво выскочил на трассу и вприпрыжку помчался рядышком со спортсменами с явным намерением по-дружески похлопать по плечу истекающего потом лидера. Но бдительный и суровый полицейский, выросший словно из-под земли, ловко ухватил зарвавшегося болельщика за шиворот и сноровисто уволок его в густую толпу ликующих зрителей. Над головами восторженных провинциальных обывателей гордо реяли разноцветные стяги, знамена и пестрые шарфы. На какое-то мгновение мне показалось, что я нахожусь на громадном стадионе в решающий момент финального матча на кубок страны по футболу. Я совершенно оглох от всеокрушающей лавины звуков, обрушившихся на мои несчастные барабанные перепонки. Вдобавок ко всему, рядом

со мной группа юных бойскаутов усердно и остервенело колотила палочками в разнокалиберные парадные барабаны.

Национальный чемпионат по футболу в конце весны закончился, а до начала нового сезона оставался почти ещё целый месяц. И истосковавшимся по зрелищам болельщикам нужно было где-то выплеснуть своё накопившееся эмоциональное напряжение.

Лидеры велогонки, отчаянно напрягая свои последние силы, проехали через всю кипящую бурными чувствами площадь, заложили у фонтана крутой вираж и умчались по главной улице города добывать славу и лавры победителя.

На крутом повороте трассы гонки я неожиданно заметил неординарную и до боли знакомую фигуру, выделяющуюся в толпе громадным ростом и атлетическим телосложением. На изумрудно-зеленом газоне клумбы величаво возвышался Степан Тягнибеда, гордость Тернополя и его близлежащих окрестностей. Гигант со скучающим видом взирал на суматоху, происходящую вокруг его видной и притягательной персоны. По едва заметной, снисходительной усмешке и прищуренным глазкам было видно, что гигант сделал огромное одолжение организаторам соревнований, осчастливив их своим нежданным, но кратковременным визитом вежливости. Похоже,

его не очень-то и интересовали перипетии развернувшегося перед ним грандиозного представления. И, по-видимому, Степан присутствовал здесь лишь только затем, чтобы когда-то потом, за кружкой пива, в кругу закадычных друзей небрежно бросить:

— «Volta a Portugal»?! Как же, как же! Не раз приходилось лично присутствовать на этом очень важном многодневном международном состязании!

Крики зрителей усилились, и на площади появилась основная группа велогонщиков, едущих плотным косяком, как горбуша, спешащая на свой роковой нерест. Велосипедисты, согнувшись над рулями и стиснув зубы, угрюмо накручивали педали своих спортивных машин. Аутсайдеры этапа, во что бы то ни стало, пытались нагнать честолюбивых беглецов, так неожиданно ушедших в дерзкий отрыв.

На крутом повороте они резко притормозили, невольно сбиваясь в еще более плотную группу. Заезавшийся гонщик в зеленой майке, то ли не успев сбросить скорость, то ли не вписавшись в поворот, со страшной силой врезался передним колесом в уличный бордюр. И словно выброшенный из катапульты, перекувыркнувшись в воздухе, он улетел вместе с велосипедом в сторону полудремлющего Степана.

Когда-то в лиссабонском пенсау, в первые дни

нашего пребывания на гостеприимной португальской земле, Степан рассказывал мне, что несколько лет проработал грузчиком на тернопольской товарной станции. Очевидно, сработал инстинкт опытного грузчика, которому скинули мешок рафинада, однако забыли предупредительно крикнуть «Лови!». Степан мгновенно встрепенулся, подался вперед и, будто бы тюк с поклажей, сноровисто схватил в охапку летящего на него гонщика вместе с велосипедом. Крепыш лишь слегка отшатнулся и застыл словно статуя, так толком и не осознав, что же такого с ним тут приключилось. На мгновение на площади воцарилась мертвая тишина.

Картина была потрясающая! Добрый молодец держал в натруженных руках маленького щупленького крючконосого велосипедиста, из-под шлема которого выбивались черные, курчавые и слипшиеся от обильного пота волосы. Жертва несчастного случая выглядела будто малый ребенок в огромных ручищах высокорослого богатыря. И, если бы не болтавшийся сбоку велосипед, то под этой живописной скульптурной композицией можно было смело поставить подпись: «Герой вынес пострадавшего из огня!» Или «Смельчак спас утопающего!»

На лице Степана возникло выражение полного недоумения и крайней озабоченности. И многие

португальцы, повстречав вечером такого мускулистого прохожего с таким озадаченным ликом, без оглядки шарахнулись бы в ближайшую подворотню.

Степан обладал простоватым, но мужественным лицом и, когда сталкивался с чем-то непонятным или странным, то выглядел как суровый солдат, который вот-вот бросит в противника осколочную гранату. Художник времен Великой Отечественной войны мог бы с успехом писать с него плакаты типа: «Враг не пройдет!» или «Ты записался добровольцем на фронт?!»

Наконец, толпа взорвалась восторженными криками и аплодисментами. Защелкали фотоаппараты, застрекотали кинокамеры.

Степан стоял как вкопанный, но постепенно выражение недоумения на его обветренном лице сменилось гримасой брезгливости и отвращения. Велосипедист весь пропах едким потом, а на его шортах медленно расплывалось темное желтоватое пятно. Попав в такой переplet и неожиданно очутившись в лапищах здорового громилы, парень, видимо, обмочился и, вполне вероятно, не только. Степан брезгливо поморщил носом, нервно закрутил головою и, вдруг, сбросил крючконого гонщика вместе с велосипедом на ближайшую клумбу с субтропическими цветами.

Толпа разочарованно ахнула. Гигант

непонимающе посмотрел на окружающих его зрителей, затем резко развернулся на каблуках и, вытирая руки о широкие штаны, поспешно зашагал в сторону старого городского парка. Очевидно, он вспомнил о каких-то очень важных делах, не терпящих отсрочки и отлагательства.

Я тяжело вздохнул и печально понурил голову. В последнее время не проходило и недели, чтобы в газетах или по телевидению не сообщалось о моих соотечественниках, которые или устроили пьяную потасовку, или ограбили какого-то запоздалого прохожего. А нередко доходило и до членовредительства, и душегубства. В Португалию, с открытием правительством кампании по легализации иммигрантов, наряду с гастарбайтерами из республик бывшего Советского Союза, хлынул поток криминальных элементов, скрывающихся от неотвратимого правосудия или вытесненных из родных мест более удачливыми конкурентами. А так как подавляющая масса приезжих прибывала из Украины, то всех иммигрантов «do Leste» (с востока) португальцы обычно называли ucranianos. А как бы хотелось услышать что-то хорошее об украинцах, вроде: «Иммигрант из Украины предотвратил трагедию!», или «Украинец спас португальского спортсмена!» Но, видно, в нашей обыденной жизни уже не осталось места для бескорыстного подвига или

иного благочестивого деяния. Прозаическое добывание хлеба насущного заслонило всё то героическое, что всегда было присуще нашему многострадальному народу.

Пока в моей голове роились такие безрадостные и тоскливые мысли, крючконосый велосипедист продолжал величественно возлежать на благоухающем ковре экзотических трав и цветов. Опершись на локоть и приподняв свою птичью головку, он бездумными тёмно-карими очами глазел на быстро удаляющийся вниз по улице пелетон велогонщиков. Мне показалось, что оцепеневший спортсмен находился в состоянии глубочайшей прострации. По унылому и безучастному лицу поверженного велосипедиста было предельно ясно — личное участие в нынешней гонке для него уже утратило какой-либо смысл.

Но, похоже, что далеко не все участники состязания разделяли его пессимистическое настроение. У клумбы резко затормозил автомобиль, на крыше которого были закреплены несколько новеньких гоночных велосипедов. Из салона легковушки ловко выпрыгнули двое мужчин средних лет. В одном из них без особого труда можно было разглядеть опытного врача, а в другом — бывалого и маститого спортивного тренера. Медик тут же бросился к предполагаемому

пациенту, а руководитель «полётов» напряженно замер, ожидая от доктора краткого, внятного и правдивого вердикта. Этот суровый, статный и начинающий сесть муж, по-видимому, в молодые годы и сам был известным и титулованным гонщиком. Судя по его мужественному лицу, испещренному мелкими рубцами и шрамами, он за свою спортивную карьеру побывал не в одном массовом завале и пропахал «фасадом» не одну сотню метров жесткого дорожного покрытия.

Медик сноровисто ощупал тело «загорающего» велосипедиста и о чем-то бодро проинформировал своего томящегося в неизвестности начальника. Последовала отрывистая команда и водитель легковушки, покинув насиженное место, принялся суетливо снимать новый велосипед с крыши сопровождающего гонщиков автомобиля.

Вся эта суета мгновенно привела в чувство расслабившегося щуплого спортсмена, и он истерически запротестовал, указывая пальцем на свои утратившие первозданную красоту шорты. Насколько я понял, он небезосновательно опасался, что будет неминуемо дисквалифицирован, если появится на финише этапа в таком вызывающе неприличном виде.

Однако его сетования и жалобы несколько не тронули сердца строгого, взыскательного и

требовательного тренера. Этот суровый атлетичный мужчина с легкостью поднял симулянта в воздух и ловко стряхнул с него останки покореженного аварией велосипеда. Не опуская своего подопечного на землю, тренер тут же усадил его на новую машину и вместе с водителем резко подтолкнул её вслед уже давно скрывшегося из вида пелетона. Велосипед крючконосого бедолаги покатил вниз по улице, но не по прямой, а по какой-то замысловатой затухающей синусоиде.

И вдруг над омытым дождем городом прогрехотал мощный праздничный салют. Португальцы фанатично обожают отмечать даже самые незначительные события оглушительными дневными залпами и красочными ночными фейерверками. По мнению администрации муниципалитета, очередной этап «Volta a Portugal» был достаточно веским поводом для громоподобного сотрясения воздуха.

Но этот внезапный шумовой эффект оказался полной неожиданностью для и без того уже напуганного и выбитого из колеи крючконосого гонщика. Руки его дрогнули, руль вывернулся и горемыка, громыхая своей новой машиной, изящно растянулся на достаточно-таки жестких булыжниках у монумента павшим героям Первой мировой войны.

Незадачливый спортсмен, теперь уже в

изрядно выпачканной зеленой майке, с трудом поднялся на трясущиеся от нервного напряжения ноги и обреченно понурил свою непутевую голову.

Но это абсолютно не растрогало и не впечатлило сурового и непоколебимого тренера команды. Безусловно, его железный жизненный принцип гласил: шоу должно продолжаться при любых обстоятельствах. Конечно, если ты ещё не умер.

Непреклонный начальник вместе с помощником быстро подбежал к неудачнику, заново усадил его на велосипед и, основательно разогнав, отправил своего питомца в направлении места планируемого финиша. Гонщик что-то возмущенно верещал, но строгий наставник не обращал внимания на истошные вопли своего подопечного. Улица, по которой была проложена траса гонки, проходила через центральную площадь города и имела заметный уклон вниз. Поэтому спортсмену для разгона даже не нужно было особо интенсивно крутить педали.

А утомленный тренер, вытирая платком выступивший на его мужественном челе пот, вразвалочку вернулся к злополучной цветочной клумбе. Он поднял с газона поврежденный велосипед своего воспитанника, укоризненно покачал головой — и, неожиданно, остолбенело замер. Лицо его вытянулось, брови

коромыслообразно выгнулись, а изумленные очи заметно расширились и округлились. Доктор и помощник тренера удивленно переглянулись, подошли к начальнику, взглянули на велосипед — и тоже окаменели.

В контактных педалях спортивной машины были зажаты велотуфли несчастного гонщика вместе с торчащими из них носками.

Похоже, только сейчас до тренера дошло, на что так отчаянно сетовал его капризный воспитанник. На протяжении трех километров трасса спускалась к реке, но затем начинался крутой и затяжной подъем к перевалу на древний Гимараеш. А при таких экстремальных условиях накручивание педалей босыми ногами становилось сродни самой изощренной иезуитской пытке.

Уважаемые начальники! Хотя бы изредка прислушивайтесь к ропоту своих бесправных и угнетённых подчиненных! И это предохранит вас от попадания в массу щекотливых ситуаций, и позволит избежать бездны досадных и неприятных недоразумений!

С другой стороны, руководителей команды можно понять. Трудно сориентироваться и уследить за всеми мелочами в кипящем, неистово ревущем море зрителей. Тем более, когда вокруг вас в воздухе порхают и мельтешат яркие лоскутки блестящей и разноцветной бумаги. Хотя некоторые

неисправимые романтики и величают эту макулатуру не иначе как серпантин или конфетти.

С минуту троица бывалых спортивных мужей упорно дырявила глазами бесстыжие велотуфли, которые так предательски покинули своего доверчивого хозяина. Наконец, пришедший в себя тренер эпилептически дёрнулся, дико взревел, одним махом вывернул из захватов педалей туфли и стремглав бросился к стоящей у бордюра легковушке. Помощник тренера и доктор во весь дух бросились вдогонку за своим чрезмерно взвинченным предводителем. Резко хлопнули дверцы тренерского автомобиля, и под его капотом тут же взревел не знающий усталости мощный мотор. Машина буквально сорвалась с места и с бешеной скоростью умчалась на поиски уже растаявшего вдаль босоногого гонщика. И только велосипед с погнутым передним колесом так и остался лежать посередине порядочно вымятой клумбы.

Неожиданно из толпы зрителей вынырнул сутулый худощавый паренёк в старом потертом и местами прохудившемся джинсовом костюме. Из-под его помятой бейсболки с надвинутым на лицо козырьком выбивались длинные и давно не мытые черные локоны. Молодой человек бочком подошел к брошенному велосипеду, воровато осмотрелся по сторонам и ещё глубже натянул на чело свою выдавшую виды бейсболку. Затем он

нагнулся, подхватил бесхозное средство передвижения, взвалил его на спину и, распахивая зевак, двинулся сквозь толпу в сторону городского кладбища. Вполне вероятно, что именно там рьяный болельщик и собирался торжественно предать земле останки этой славной гоночной машины.

— Опять Мигель Сигану за старое взялся, — услышал я над ухом осуждающий, но приятный драматический баритон.

Резко обернувшись, я увидел рядышком того самого полицейского, который совсем недавно так эффектно утихомирил чересчур возбужденного местного болельщика. На вид этому ладному мужчине было лет этак за сорок, и своей внешностью он вовсе не походил на обыкновенного среднестатистического португальца. Белая кожа, круглое лицо, усы и волосы пшеничного цвета, а также светло-серые глаза красноречиво говорили, что когда-то предки этого интересного человека попали в Португалию откуда-то с Севера. Лично я уже не один раз обманывался, принимая таких нетипичных коренных португальцев за моих предприимчивых соотечественников.

— На прошлогодней велогонке Мигель стащил из машины одной из команд сумку врача, доверху набитую какими-то медикаментами, — доверительно поведал страж порядка, поглядывая

на меня, как на старого задушевного друга. — Парень уже давно пристрастился к наркотикам и очень надеялся поправить своё здоровье одним чудо лекарством, из похищенной им аптечки. Из найденного там шприца он вколол себе пару кубиков бесцветной жидкости — и чуть было не умер. Частота пульса у него подпрыгнула до двухсот десяти ударов в минуту. Бедняга от своей грязной квартирки домчался до городского госпиталя всего лишь за две минуты пятнадцать секунд. Именно столько прошло времени от звонка Мигеля из дома в регистратуру до его личного прибытия в приёмную. Мы специально замеряли это расстояние, и в результате получилось не много не мало, а 1107 метров! В несложном пересчете это оказалось выше мирового рекорда в беге на один километр! Врачи говорят, что его сердце просто каким-то чудом не разорвалось на части. Им еле-еле удалось спасти нашу местную знаменитость от скоропостижной кончины.

— И что же закон присудил вашему рекордсмену за его спортивные подвиги? — насмешливо поинтересовался я.

— А ничего, — беспомощно пожал плечами полицейский. — На опознании ни один из медиков велокоманд, участвующих в прошлогодних соревнованиях, сумочку с медикаментами так и не признал. И не удивительно! Там были такие

сильнодействующие синтетические стимуляторы, что владельца этой аптечки вместе с его командой могли бы дисквалифицировали до окончания нынешнего тысячелетия! И Мигеля, в конце концов, пришлось отпустить.

— Ну, теперь-то он поймался на горячем! — от всего сердца позлорадствовал я. — Ведь такой гоночный велосипед стоит, наверно, не менее тысячи с лишком контушей! Смотрите! Вон он! Остановился у почтового автомата! (Прим. Один контуш приравнивался к пяти евро.)

Стаж порядка понимающе кивнул, неспешно развернулся и направился в противоположном направлении.

— Сеньор! Не туда! — потрясенно воскликнул я. — Автомат для продажи марок находится совсем в другой стороне!

Полицейский обернулся и флегматично отметил:

— Я знаю. Но мой наставник и учитель Албано Антониу Тештейра Маседу частенько говорил: хороший полицейский — это живой полицейский. А тот сумасшедший придурок всегда таскает с собой пистолет. И никто никогда даже толком не знает, чем он сегодня с утра обкололся. Мне ведь до пенсии осталось совсем-то немного. А сегодняшняя добыча всё равно Мигелю впрок не пойдёт.

Мой новый знакомый виновато улыбнулся, по-свойски махнул мне на прощание рукой и растворился в хаотично снующей толпе болельщиков. Зрители гонки постепенно рассасывались в различных направлениях: кто спешил на муниципальную площадь, где должен был состояться фольклорный фестиваль, кто направлялся в парк, чтобы покатать детей на качелях и каруселях. Но большинство гуляющих рассредоточивались по многочисленным кафе и барам, чтобы хлебнуть стаканчик холоденького пивка или пригубить чашечку горячего бразильского кофе.

Как это ни странно, но старый полицейский оказался на удивление хорошим пророком. Через два месяца на улице Кумиейра воришку сбил тяжелый грузовик, когда Мигель демонстрировал отремонтированный им гоночный велосипед одному состоятельному местному покупателю. Но об этом я узнал гораздо позже от моего друга и бывшего коллеги Бруно.

А пока что я тоскливо взирал на быстро пустеющую городскую площадь и напряженно думал о нелегких судьбах иммигрантов с Востока, заброшенных нуждой на самый край Старого Света. Почему мы так легко и бездумно бросили наш Родимый Край? Отчего решили, что доля будет к нам благосклоннее за тысячи километров от очагов

наших славных предков?

Я в очередной раз тяжело вздохнул и уныло побрел в мою дешевую душную конуру. Мне предстояло готовиться к завтрашней поездке в далекий Порту, чтобы создавать комфорт и уют в апартаментах президента футбольного клуба «Боавишта».

4. Нищий

Стремительные, обильные потоки дождевой воды, бурля и клопоча, неслись по древним улицам Старого Порто. Сточных решетки мостовых, едва не захлёбываясь, с трудом проглатывали избыток упавшей с небес влаги. Если бы не они, то улицы и переулки города превратились бы в подобие знаменитых венецианских каналов. Пролетая над северной столицей Португалии, свинцовые тучи цеплялись своим траурным одеянием за шпили башен и крутые кровли старых домов. И, разрывая свои саваны, они роняли слезы горести и печали на зонты снующих в провалах улиц прохожих.

Хотя, согласно башенным часам, только-только наступил полдень, город оказался погруженный в тусклый и тревожный предвечерний полумрак. И невольно чудилось, будто светлый, ясный день скрылся с глаз долой от ужасающего

зимнего ненастья.

Конечно, субтропическую зиму нельзя сравнить ни с русской стужей, ни даже с бодрящими южноукраинскими приморозками. Но здешняя слякоть и опостылевшая сырость не дают по-настоящему ощутить блаженство наступивших новогодних праздников. Особенно донимает местная разновидность непогоды под простонародным названием «a chuva que molha os tolos» (дождь, который мочит дураков). Эти характерные для Португалии осадки являются мелкой водяной пылью, которую несут мощные ветры Атлантики. По внешнему виду это природное явление скорее напоминает морось, чем привычный для нас мелкий дождь. Но стоит Вам по глупости прогуляться под такой безобидной моросью — и через четверть часа Вы вымокните буквально до нитки. А если «дождь дураков» сопровождается даже не очень сильным порывистым ветром, то от него не спасет ни зонт, ни с виду надежный непромокаемый плащ.

Но тот кошмар, что обрушился на Порто нынешним днём, чем-то напоминал излишне обильный тропический ливень.

Несмотря на такую жуткую, мерзопакостную погоду, толпа посетителей широким потоком вливалась в настежь распахнутые двери громадного торгового центра. В преддверии Рождества

гипермаркет был заботливо украшен искусственной хвоей, всевозможными украшениями и разнообразными гирляндами огней, причудливо переливающимися всеми цветами радуги. В толпе потенциальных покупателей суетились веселые и жизнерадостные Пай Наталы. Они кокетливо заигрывали с детворой и призывали посетителей поскорее расстаться с отяжеляющими их карманы деньгами. (Прим. Пай Натал — португальский аналог Деда Мороза).

Этот кипучий праздник жизни омрачала скорбная фигура цыганки, сидевшей на грязной подстилке под карнизом здания у самого парадного входа. Она держала на руках безмятежно спящего кучерявого мальчонку быть может трех-четырёх лет отроду. А рядышком с ней тихо примостилась печальная девчушка, не старше шести лет, с невероятно огромными заплаканными глазищами. Старая цыганка отрешенно покачивалась взад-вперед, что-то заунывно и тягуче напевая. Перед ней на засаленном полосатом коврике лежала небольшая горка мелких медных монет. Иногда из людского потока появлялась щедрая рука, и очередная монета падала на широкий подол юбки нищенки. А иногда и хрустящая банкнота, словно осенний желтый лист, плавно опадала на тускло мерцающую кучку разменной мелочи. Крупные монеты и купюры цыганка ловкими, незаметными

движениями смахивала с подстилки, и они исчезали в недрах бесчисленных складок ее необъятной юбки.

Поток посетителей, врываясь в двери торгового центра, мгновенно разбивался на множество мелких ручейков. Одни покупатели устремлялись по эскалаторам вверх, другие — вниз, а иные растекались по многочисленным ложам обширного нулевого уровня. (Прим. Loja — магазин. порт.) Я невольно вспомнил кадры из старого культового советского кинофильма «Ленин в Октябре». Зрелище, наблюдаемое мной, разительно напоминало штурм Зимнего дворца, только без гулких выстрелов и отчаянных криков оголтелых революционеров «Ура!» Люди с таким энтузиазмом, азартом и остервенением тратили деньги, будто завтра непременно наступит Всемирный потоп или грянет жесткая конфискационная денежная реформа. И все многолетние сбережения и накопления порядочных португальских обывателей в мгновение ока обратятся в пыль, прах и тлен. Хотя, по всей вероятности, причина такого ажиотажного потребительского спроса была вполне тривиальной. С первого января Португалия, как и большинство стран Объединенной Европы, переходила на наличное евро. (Прим. Действие происходит в конце декабря 2001 г.)

После получасового блуждания по переполненным ложам и бутикам, я понял, что чувствовал крестьянский депутат съезда большевиков, заблудившийся в лабиринтах многолюдного Смольного института. Голова попросту раскалывалась, невыносимо гудела и, в буквальном смысле избитого выражения, шла кругом. Лица и силуэты покупателей стали заметно расплываться и терять привычные формы, размеры и очертания. Знак WC со стрелкой влево возник, словно спасательный круг перед обессиленным пловцом, утопающим в беснующемся и кипящем людском море.

Я нырнул из душного многолюдного коридора в животворную прохладу царства кафеля, зеркал, писсуаров и умывальников.

У стены, с прикрепленными к ней шедеврами мировой сантехники, неподвижно застыл детина двухметрового роста. В нем я без особого труда распознал почетного гражданина Тернополя и его окрестностей Степана Андреевича Тягнибеду, благо что стоял он ко мне в пол-оборота. На его лице запечатлелось печально-отрешенное выражение человека, который внезапно вспомнил старенькую мать у покосившейся избышки и забытое Богом село, где он провел свое беззаботное босоное детство. Но вот на лоб гиганта набежали глубокие морщины, глаза сузились. И он стал

похож на профессора математики, который даже в таком прозаическом месте продолжает решать в уме очень сложное математическое уравнение.

Степан задумчиво отошел от писсуара. И ему в след мелодично зажурчала всеочищающая проточная влага. Гигант резко остановился, изумленно оглянулся, снова подошел к уринолу и внимательно осмотрел это удивительное чудо сантехники. (Прим. Уринол — писсуар. порт.) Затем он сизнова медленно отошел в сторону. И в уриноле заново, звонко журча, побежала чистая струйка кристальной живой водицы. Это озадачило Степана до полной невозможности. Он склонился у писсуара и стал скрупулезно исследовать это парадоксальное, паранормальное явление. Исполин уподобился Дарвину или Гумбольдту, которые столкнулись в девственных тропических лесах с ранее неизведанной науке формой жизни.

Посетители туалета ошеломлённо смотрели на великана, согнувшегося пополам у белоснежной фарфоровой раковины. А Степан, присев на корточки, приблизил свое лицо к сантехническому прибору так близко, будто собирался испить студеной водицы из целебного карпатского источника. Какой-то сердобольный пожилой гражданин сочувственно склонился к сидящему на корточках гиганту и поинтересовался, как тот себя чувствует, и не надо ли ему вызвать врача. Но

Степан, не обращая внимания на озабоченность присутствующих, повторил свой маневр: отошел от писсуара, и хрустальный ручеек возродился в глянцевых недрах уринола наново. И тут Степан разразился неудержимым, звонким детским смехом, чего трудно было ожидать от такого внушительного на вид мужчины.

— Вот, черти! — весело отреагировал он. — Чего только не придумают проклятые буржуи, чтобы завлечь состоятельного покупателя в магазин! Особенно на рождественские праздники!

Посетителей туалета словно ветром сдуло. А Степан продолжал сновать туда-сюда возле удивительного уринола, изумляясь извращенной изобретательности алчных капиталистов. Его просто умиляло, что отпала необходимости дергать за какую-нибудь ручку или нажимать какой-либо клавиш. Не знаю, существует ли в Португалии скорая психиатрическая помощь, да и не очень, честно говоря, хочу знать. Поэтому я быстро ретировался из опасного для психического здоровья злачного места.

У входа в заведение стояли две группы озабочено галдящих мужчин. Одну — составляли граждане только что покинувшие храм удовлетворения естественных потребностей, другую — господа, жаждущие приобщиться к святыням отхожего места. Между ними шла

оживленная беседа, сопровождаемая интенсивной жестикуляцией и поясняющими телодвижениями. Сеньоры из второй группы, явно потрясенные рассказами очевидцев, не решались открыть заветную дверь, хотя многие из них уже переминались с ноги на ногу, а некоторые даже мелко пританцовывали. Наконец, один парень, у которого избыточная влага уже начала капать из глаз, хлопнув себя ладонью по лбу, с радостным озарением воскликнул:

— Этажом ниже есть точно такой же туалет!

Страждущие в один миг сорвались с места, словно спринтеры, услышавшие выстрел стартового пистолета. Можно было подумать, что победителя внизу ждет умопомрачительная премия в виде рождественской поездки на Гавайи, Мальдивы или Таити.

Я вышел в огромный, светлый холл гипермаркета. Посредине его красовалась грандиозная синтетическая ель, упирающаяся своей верхушкой в стеклянный купол пятиярусного здания. Все-таки не умеют португальцы наряжать новогоднюю ёлку! Украшения были какими-то тусклыми и однообразными. Да и дизайнер, наряжавший Рождественское Древо, по-видимому, не имел в душе искры творческого вдохновения.

Пробираясь сквозь толпу к выходу, я задавался зудящим и не дающим мне покоя